

Е. Поселянин

**Русские подвижники 19-го
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е11

Е11 **Е. Поселянин**
Русские подвижники 19-го века / Е. Поселянин – М.: Книга по Требованию,
2015. – 574 с.

ISBN 978-5-458-56112-9

ISBN 978-5-458-56112-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Сколько дикихъ, безумныхъ нападокъ было за послѣднее время производимо на православную Церковь!

И даже у лицъ, привязанныхъ къ Ней сыновней любовью, невольно слагался вопросъ, таково ли Ея воздѣйствіе, какъ въ прошлые вѣка, все такъ же ли Она спасаетъ людей и вырабатываетъ въ лучшихъ изъ нихъ тотъ высокій строй жизни, который принято называть святостью.

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является эта книга, представляющая собою первую попытку собрать въ одно цѣлое краткія жизнеописанія наиболѣе выдающихся русскихъ подвижниковъ истекающаго столѣтія.

Здѣсь люди разнообразныхъ положеній, склада, дарованій. Одно въ нихъ общее — неослабѣвающій всю жизнь порывъ ко Христу. Какая во всѣхъ неутолимая духовная жажда, какое благородное стремленіе къ истинной и полной свободѣ: освобожденію себя отъ путъ зла и созданію въ себѣ чловѣка по образу и подобию милующаго, грѣющаго, прощающаго, чистаго, кроткаго Христа Спасителя.

Не намъ мѣрять людей! Но грѣхъ ли будетъ думать, что дивный старецъ Серафимъ по чрезвычайности подъема своего духа не уступаетъ наиболѣе аскетическимъ, наиболѣе удивительнымъ лицамъ славнѣйшихъ эпохъ христіанства? Что митрополитъ Московскій Филаретъ такъ напоминаетъ тѣхъ великихъ Отцовъ Церкви, которые во времена церковныхъ бурь выяснили всю истину церковнаго ученія,

установили формы церковной жизни. Что кроткій Епископъ Теофанъ является какъ бы продолжателемъ дѣла столь дорогого русскому народу святителя Димитрія Ростовскаго и между тѣмъ какъ одинъ своею безцѣнною Четью-Минеєю говорить: „Вотъ до чего возвышались люди“, другой своими книгами указываетъ: „Вотъ кратчайшій путь, чтобъ слѣдовать за тѣми людьми“.

Нѣтъ, Церковь цвѣтетъ, плодоноситъ. Но дѣла Ея въ противоположность дѣламъ міра, гдѣ маленькіе люди поднимаютъ вокругъ своихъ не цѣнныхъ, не нужныхъ дѣлъ такой шумъ: Ея дѣла совершаются безшумно, въ святомъ сосредоточеніи. Эти дѣла видитъ и знаетъ имъ цѣну русскій простой народъ, который по рассказамъ отцовъ продолжаетъ любить людей, здѣсь помянутыхъ.

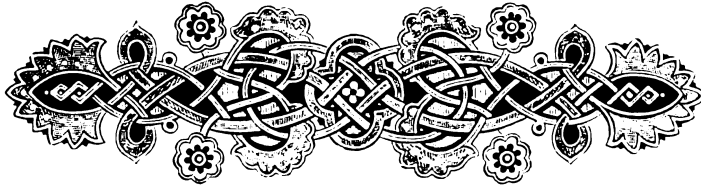
Описанныя здѣсь лица представлены здѣсь преимущественно не со стороны историко-общественнаго значенія ихъ, а со стороны ихъ нравственной крѣпости.

Составитель вполне сознаетъ, что въ его опытѣ включены не всѣ подвижники 19-го вѣка и кое-что изъ разсказаннаго могло быть представлено полнѣе и ярче.

Но хотѣлось дать хоть что нибудь, малое изъ многого, чтобъ не оставались втунѣ такія воспоминанія.

Скромный трудъ этотъ собранъ для вѣрующихъ, для укрѣпленія въ нихъ мысли, что все та же вѣсть надъ міромъ сила Христова, и тѣ же дивные дары посылаетъ Богъ тѣмъ, кто искренно за Нимъ идетъ. И что русскій народъ понынѣ въ лучшихъ людяхъ своихъ тотъ же богоносецъ, какимъ былъ всегда.

Е. Поселянинъ.

Филаретъ, митрополитъ Московекій.

Имя Филарета, митрополита Московскаго, занимаетъ особое мѣсто въ исторіи русской Церкви послѣдняго вѣка.

Онъ былъ для русской Церкви этого времени тѣмъ же, чѣмъ были для молодой возраставшей Церкви первыхъ вѣковъ тѣ великіе епископы, которымъ присвоено названіе „Отцовъ Церкви“. Филаретъ какъ бы выяснилъ еще разъ во всемъ томъ, что имъ написано, всю совокупность православнаго ученія. А въ самомъ себѣ далъ какъ величавый, удивительный образъ православнаго архипастыря, такъ и мѣру того, до какой глубины можетъ дойти просвѣтленный вѣрою умъ и духъ человѣческій.

Филаретъ родился 26 декабря 1782 г. въ семьѣ соборнаго діакона г. Коломны (Московской губерніи) и назывался въ міру Василій Михайловичъ Дроздовъ.

Съ дѣтства подавалъ онъ самыя блестящія надежды, и съ величайшимъ успѣхомъ проходилъ курсъ Коломенской семинаріи, откуда перешелъ для прохожденія академическаго курса въ Троице-Сергіеву лавру.

Онъ уже тогда любилъ уединеніе, предпочитая бесѣду съ книгами бесѣдѣ съ товарищами. Развлеченія зналъ лишь два: игру въ шахматы и игру на гусяхъ.

Прослышавъ объ учености Василія Дроздова, коломенскіе граждане явились къ митрополиту московскому Платону, съ просьбою назначить его имъ въ священники. Но митрополитъ, зная способности Дроздова, отклонилъ это предложеніе. Онъ хотѣлъ открыть Дроздову другой путь.

16 ноября 1808 г., послѣ вечерни въ Троице-Сергіевой лаврѣ, Дроздовъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета.

Уже до того времени о немъ прошла молва, какъ о выдающемся проповѣдникѣ. Первое его слово произнесено 12 января 1806 г., день, когда лавра празднуетъ свое освобожденіе отъ польскихъ полчищъ въ эпоху смутнаго времени.

Такимъ образомъ это первое его слово было посвящено прославленію того величайшаго изъ русскихъ святыхъ, преп. Сергія, которому всю жизнь Филаретъ былъ такъ близокъ духомъ и образъ котораго онъ такими яркими проникновенными красками рисовалъ столько разъ въ своихъ проповѣдяхъ.

Черезъ три мѣсяца было произнесено другое „Слово въ великій пятокъ“ — въ которомъ уже видны чрезвычайныя способности проповѣдника.

Въ началѣ января 1809 г. іеродіаконъ Филаретъ вызванъ въ Петербургъ, наставникомъ философіи во вновь открывавшуюся духовную академію.

Здѣсь онъ разомъ выдвинулся на видъ и имѣлъ возможность выказать свои дарованія.

Дѣятельность Филарета, достигшаго въ скоромъ времени положенія ректора академіи, была неизмѣрима.

Онъ преподаетъ, пишетъ обширную записку для супруги императора Александра I, императрицы Елисаветы Алексѣевны. — „Изложеніе разности между восточною и западною Церковью“, разсужденіе „О нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ отечественной войнѣ“, для студентовъ академіи — введеніе къ книгамъ вѣхаго завѣта, записки о книгѣ Бытія, начертаніе церковно-библейской исторіи. Все, что онъ писалъ, было такъ ново, такъ глубоко, такъ блестяще, что цѣлыя неизвѣстные горизонты открывались предъ глазами читателей. Глубина мысли, неотразимость логическихъ приемовъ, крѣпко обоснованныхъ доказательствъ — отличительная черта его произведеній.

Школа Филарета — кругъ его воспитательнаго вліянія, перенесеннаго имъ такъ скоро въ Москву и такъ долго дѣйствовавшаго тамъ—образовывала въ людяхъ непреклонную волю, сильный умъ. Люди этой школы могли жить своимъ умомъ, руководиться своимъ собственнымъ разсужденіемъ. Здравый житейскій смыслъ совмѣщался въ нихъ съ книжною ученостью.

Во время пребыванія Филарета въ академіи упрочилась за нимъ окончательно слава перваго русскаго проповѣдника.

Проповѣди Филарета удивительны во всѣхъ отношеніяхъ. Смѣлость мысли его поразительна. Съ дерзновеніемъ безпредѣльной вѣры онъ погружается въ созерцаніе тайнъ божественныхъ, ведя за собою слушателя въ самыя высокія области міра вѣры. И этотъ всепроникающій умъ соединенъ въ немъ съ восторженнымъ одушевленіемъ, дѣйствующимъ тѣмъ сильнѣе, что порывы этого воодушевленія какъ бы сдерживаетъ постоянно могучая сила воли уравновѣшеннаго, мѣрнаго проповѣдника, соединенная съ младенчески умиленною теплотою вѣры. Чрезвычайное соотвѣтствіе глубокой мысли съ ея внѣшнимъ выраженіемъ — словомъ, сила, своеобразность рѣчи, — весь какой-то неуловимый великій духъ, запечатлѣвающій всякое слово Филарета: все это ставитъ его на высоту, какой не достигала никогда еще русская проповѣдь и которая, вѣроятно, никогда не будетъ превзойдена.

Не богословъ только, не возгласитель церковнаго ученія слышится въ этихъ проповѣдяхъ, а поэтъ, дѣйствующій на сердце человѣка образами, писанными удивительно яркими красками.

Какая сила и поэзія, напримѣръ, въ первыхъ словахъ слова въ великій пятокъ передъ плащаницею: „Чего ждете вы нынѣ, слушатели, отъ служителя Слова? Нѣтъ болѣе Слова!“

Или вотъ дивная, нарисованная имъ картина первоначальной обители преп. Сергія... Прерывающимся отъ волненія голосомъ развертывалъ тогда великій проповѣдникъ въ своемъ словѣ эту картину, и плакали слушатели:

„Прости мнѣ“,—говорилъ онъ, — „великая лавра Сергіева, если мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергія. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ, дѣла святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современнаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ, съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія, совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда колебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіѣ, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и сжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ, съ трескомъ и дымомъ, горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной... Отворите мнѣ дверь тѣсной келіи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ отпечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ... Дайте мнѣ облобызать прахъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя... Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келіи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій, и, въ награду за трудъ дня и гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающего хлѣба... Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, преподобный Никонъ спѣшно растеть и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія... Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе

моего слова... Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ... Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ! Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище: оно непохитимо и неистошимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“...

Назначенный викаріемъ петербургской епархіи, онъ недолго прослужилъ въ этой должности и назначенъ архіепископомъ Тверскимъ.

Въ Твери въ теченіе ста дней онъ обозрѣлъ епархію, въ каждомъ храмѣ ея безъ приготовленія произнося поученіе. Только что началъ онъ дѣйствовать въ Твери, какъ перемѣщенъ былъ въ Ярославль, а оттуда менѣе чѣмъ по истеченіи года— въ Москву (24 марта 1821 г.).

Въ 1823 году явился знаменитый трудъ Филарета „Христіанскій катехизисъ православныя каеволическія восточныя грекороссійскія Церкви“, по которому понынѣ обучается вѣрѣ вся русская молодежь.

Пользуясь особымъ довѣріемъ императора Александра I, Филаретъ писалъ по его порученію манифестъ императора, въ которомъ тотъ передавалъ права престолонаслѣдія, помимо второго, отрекшагося отъ престола, брата Константина—Николаю Павловичу.

Сперва, по невѣдѣнію этого манифеста, когда дошла вѣсть о кончинѣ въ отдаленномъ Таганрогѣ Александра I, народъ приведенъ былъ къ присягѣ великому князю Константину Павловичу, затѣмъ, когда выяснилось отреченіе его— надо было вновь приводить къ присягѣ уже Николаю Павловичу. Въ Петербургѣ эти обстоятельства послужили однимъ изъ поводовъ къ такъ называемому Декабрьскому бунту. Въ Москвѣ, благодаря твердости Филарета, все обошлось спокойно. Онъ, при полученіи манифеста императора Ни-

колая, вынесъ изъ алтаря государственные акты, прочелъ манифестъ Александра I, отреченіе Константина и произнесъ: „По уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому она дана“—тутъ онъ осѣнилъ народъ на три стороны крестомъ и выговорилъ слова новой присяги: „Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь“.

На коронаціи государя Филаретъ былъ возведенъ въ санъ митрополита.

Почти все время состоянія московскимъ митрополитомъ Филаретъ прожилъ безвыѣздно въ Московской епархіи. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній онъ съ непріятностями покинулъ Петербургъ въ маѣ 1824 г., и ужъ навсегда.

Какъ впоследствии ни просили Филарета возвратиться туда, его рѣшеніе не вѣзжать болѣе въ этотъ городъ осталось непреклоннымъ.

Съ окончательнымъ переселеніемъ въ Москву его учено-литературная дѣятельность почти прекращается, замѣняясь проповѣдничествомъ. Кромѣ того, всею душою онъ отдался устройству епархіи, бывшей до него въ довольно запущенномъ состояніи.

Близкимъ наблюденіемъ за духовно-учебными заведеніями, въ его время въ его епархіи достигшими полного расцвѣта, онъ какъ бы создалъ цѣлое поколѣніе прекраснаго, развитаго, истинно православнаго духовенства.

Чрезвычайно строгій и настойчивый въ своихъ требованіяхъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чрезвычайно внимателенъ къ духовенству, входя во всѣ подробности всѣхъ его нуждъ, глубоко вдумываясь въ обстоятельства тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые вызывали его вмѣшательство.

Онъ оказывалъ особое почтеніе заслуженнымъ священникамъ, и бывали примѣры, что онъ, всегда слабый, былъ доступенъ и въ ночные часы, и, послѣ двухдневной поѣздки по осеннимъ дорогамъ внутри епархіи, съ освященіемъ двухъ храмовъ, поспѣвалъ ночнымъ переѣздомъ въ Москву на отпѣваніе приходскаго священника.

Величайшее уваженіе всей Россіи окружало Филарета. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, старались увидѣть его, какъ удивительное явленіе. Высоко цѣнился голосъ Филарета въ вопросахъ государственныхъ, и почитавшій его государь Александръ Николаевичъ часто совѣщался съ нимъ о важнѣйшихъ вопросахъ управленія. Такъ, Филаретомъ составленъ манифестъ на освобожденіе крестьянъ.

То обаятельное впечатлѣніе, какое оказывалъ митрополитъ Филаретъ на современниковъ, нашло себѣ прекрасное выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина—
Стансы.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей,
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Эти вдохновенныя строфы вотъ по какому поводу вылились у Пушкина.

Когда Пушкинъ написалъ полное глубокаго отчаянія стихотвореніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
 Иль зачѣмъ судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?
 Кто меня враждебной властью
 Изъ ничтожества воззвалъ,
 Душу мнѣ наполнилъ страстью,
 Умъ сомнѣнъемъ взволновалъ?...
 Цѣли нѣтъ передо мною,
 Сердце пусто, празденъ умъ,
 И томить меня тоскою
 Однозвучный жизни шумъ.

митрополитъ Филаретъ отвѣтилъ ему слѣдующими строками:

Не напрасно, не случайно
 Жизнь судьбою мнѣ дана;
 Не безъ правды ею тайно
 На печаль осуждена.
 Самъ я своенравной властью
 Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ
 Самъ наполнилъ душу страстью,
 Умъ сомнѣнъемъ взволновалъ.
 Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
 Просіяй сквозь сумракъ думъ—
 И созиждется Тобою
 Сердце чисто, свѣтлый умъ!

Прочтя этотъ отвѣтъ, Пушкинъ и написалъ свое знаменитое „Въ часы забавъ“....

Какая-то невыразимая духовная сила, стройность была въ митр. Филаретѣ. Онъ ни на минуту, ни разу въ жизни не спускался съ высоты своего положенія. Всюду и всегда былъ онъ все тѣмъ же: величавый православный архіерей... Казалось, все, что есть мелкаго, не цѣннаго въ человѣкѣ, въ немъ было упразднено, и совершенно вѣрно выразилось